

УДК 930.85(097)

И.Н. НИКАНОРОВ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЛЕГЕНДАРНОГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО СОБОРА
И СБОРНИК «ОТЕЧЕСКИЕ ЗАВЕЩАНИЯ»**Новосибирский государственный университет
e-mail: nikanorov1203@yandex.ru

Статья посвящена исследованию рукописной традиции старообрядческого сборника «Отческие заветы». Рассматривается включение в один из списков второй половины XIX в. постановления легендарного старообрядческого собора. Делается вывод об изменении у федосеевцев отношения к авторитетным текстам и способа ведения полемики во второй половине XIX в.

Ключевые слова: старообрядчество, федосеевцы, Преображенское кладбище, традиция, рукописный сборник, Церковь, реформа патриарха Никона.

Традиция составления рукописных сборников являлась одной из характерных особенностей книжной культуры Древней Руси. Благодаря старообрядцам она не просто сохранилась, но и развивалась в Новое время [1, 2, 3]. Для защитников старого обряда рукописные сборники стали формой изложения взглядов на богословские, актуальные социальные и политические вопросы, а также способом ведения полемики с другими согласиями и официальной Церковью. В них нашли отражение взгляды старообрядцев на подобающее поведение «христианина», внутреннее устройство общины, а также на окружающий их «внешний» мир.

Федосеевское согласие было крайне влиятельным в беспоповщине, но его идеология до сих пор остается недостаточно изученной. В конце XVIII в. центром федосеевского согласия стала московская Преображенская община, наставникам которой потребовалось подвести под это идеологическое основание. Итогом их работы явился сборник «Отческие заветы», одобренный соборно в 1805 г. В него были включены наиболее авторитетные для федосеевцев тексты – от основателя согласия Феодосия Васильева до соборных постановлений начала XIX в. Работа над сборником продолжалась и после соборного одобрения. В результате появился сборник постоянного состава из 60 глав, который стал определять внутреннюю жизнь согласия – московского центра и региональных общин.

Сборник «Отческие заветы» с подписями наставников Преображенского кладбища дошел до нас, к сожалению, только в фотокопии, сделанной с рукописи В.Г. Дружининым¹. Известны еще пять списков этого текста: три – середины XIX в.² и два – конца XIX в.³. Все рукописи парадно оформлены, но в различной

манере. Следовательно, они были созданы в разных мастерских. Это свидетельствует о том, что сборник «Отческие заветы» был востребован не только на Преображенском кладбище, но и в региональных общинах. Обилие декора и парадное оформление сборников позволяют заключить, что его текст воспринимался в качестве авторитетного и переписывался с целью иметь в общине свод правил, определяющих внутреннюю жизнь и отношение к «внешнему» миру.

Обращение к тексту поздних списков позволяет уточнить процесс его функционирования на протяжении XIX в. Анализ пяти списков дает возможность сделать вывод, что к основному, соборно одобренному в начале XIX в. тексту «Отческих заветов» федосеевцы относились с большим пиететом. Его переписывали практически без изменений, допуская только исключение незначительных фрагментов, которые, по-видимому, к тому времени утратили свою актуальность. Сохраняя основной текст, создатели поздних списков считали возможным дополнить его, включив новые сочинения. Эти включения делались при бережном отношении к концепции сборника. Они явно призваны были либо усилить уже имеющуюся аргументацию, либо актуализировать ранее помещенное сочинение.

В качестве яркого примера подобной работы, которую проделал создатель позднего списка, может служить рукопись второй половины XIX в. – РГБ, собр. Егорова, № 1049. В этот список не просто было включено новое сочинение «Собор на новизны Никона патриарха», а помещено оно в качестве первой главы, открывающей сборник. Такое расположение текста придавало ему особую значимость. Соборно одобренный вариант основного текста начинался с наиболее авторитетных ранних памятников письменности, в которых излагались основы федосеевского вероучения.

Новое сочинение представляет собой деяние собора, якобы состоявшегося в 1656 г. в Курженской оби-

¹ БАН, собр. Дружинина, №701.

² РГБ, собр. Шибанова, № 211; собр. Егорова № 1048, 1951.

³ РГБ, собр. Егорова, № 1049, 1067.

тели. Поскольку в 1882 г. Н.И. Ивановский в статье осуществил публикацию и критический анализ этого источника и привел достаточно убедительные аргументы в пользу легендарности собора и подложности данного деяния [4]⁴, мы обратим внимание только на место этого текста в сборнике «Отеческие завещания» и на содержание данной исторической подделки. Факт его включения в один из списков сборника, составленного, как мы уже отмечали, из наиболее авторитетных для федосеевцев текстов, знаменателен.

На протяжении всего XVIII в. использование документальных подделок в полемике с официальной Церковью было неприемлемо для старообрядцев. Более того, именно представители первого поколения выговцев, почитаемые среди федосеевцев в конце XVIII–XIX в. [5]⁵, выступали разоблачителями нескольких подложных сочинений и внесенных корректив в авторитетные рукописи, которые Церковь использовала для доказательства истинности троеперстия [6, 7]. Выговцы уже в начале XVIII в. освоили вполне научные методы внешней и внутренней критики источника, ставшие достоянием российской исторической науки только в XIX в. Это позволило В.Г. Дружинину справедливо назвать их первыми русскими палеографами [8]. Критическое отношение к древним текстам, сочетавшееся с высоким уровнем книжной культуры и уважительным отношением к книжному наследию Древней Руси, исключало возможность использования старообрядцами подложных свидетельств для обоснования собственной позиции в XVIII в.

Поэтому включение в один из списков сборника «Отеческие завещания» якобы подлинного документального свидетельства «Собор на новизны Никона патриарха» заслуживает особого внимания. Прежде всего, следует обратить внимание на содержание этого текста. Уже первые фразы задают тон всему деянию: «Во славу Всевышняго Бога и во утверждение христовой Церкви текущаго ныне лета седьмая тысяча сто шестьдесят четвертаго генваря 7 числа мы сочлены церкви Христа Бога нашего оставшиися в тяжком гонении и чистоте евангельской истины: уклонившися от суетнаго сонма Никона патриарха, предзнаменованного во апокалипсии семиглавнаго зверя»⁶. Собравшиися на собор обозначены как «сочлены Церкви, уклонившися от суетнаго сонма Никона патриарха, предзнаменованного во апокалипсии семиглавнаго зверя».

Далее патриарх Никон трактуется автором в качестве «чувственного» антихриста, что позволяет автору обосновать «разсыпание руки людей освященных»⁷ и

безблагодатность возглавляемой им Церкви. «Суетному сонму Никона» в тексте противопоставлены участники Курженского собора – «из всего священноначалия, всех крепостных и страданием помазанных мужей, и всякого сословия мирских мудростию и благочестием украшенных»⁸. Затем в постановлении сообщается, что якобы участники собора рассмотрели «довольно и с великим вниманием» внесенные патриархом Никоном изменения и постановили «отнодъ за священныя и благодатию освященныя (их. – *И. Н.*) не признавать»⁹. Не менее категоричен и вывод по поводу отношения к приверженцам официальной Церкви: «В случае же обращающися от никонианской церкви к нашему благочестивому согласию то таковых паки подобает нам совершенно крестити»¹⁰, т. е. якобы было принято решение принимать приходящих от официальной Церкви первым чином, как еретиков, а поддерживающим реформу Никона провозглашалась анафема. Как и положено для реального соборного постановления, в данном случае тоже помещен список подписавших его.

Даже столь краткая характеристика содержания постановления легендарного собора вполне проясняет цель, с которой этот текст был включен в сборник «Отеческие завещания». Он представлен как самое раннее авторитетное соборное постановление, осудившее проводимую патриархом Никоном реформу, объявившее его антихристом. Основной текст сборника получил бы дополнительный и очень весомый аргумент, если бы не подложность этого деяния. Составители не только не почувствовали какого-либо подвоха, но и явно посчитали его весьма авторитетным. И для этого у них были основания. В старообрядческой традиции существуют несколько ранних авторитетных текстов, в которых говорится об этом легендарном соборе. Попытаемся определить источники, которыми воспользовался автор подложного соборного деяния.

Первые упоминания о легендарном соборе можно обнаружить в агиографических сочинениях и мартирологах, посвященных защитникам старого обряда первого поколения. В «Житии Корнилия Выговского» Пахомиевской редакции, составленном на Выгу в 1720-е гг. (далее – «Житие») [9; 10], упоминалось не о соборе в Курженской обители, а о собрании боголюбцев в Москве, на котором якобы обсуждались реформы патриарха Никона и было решено перекрещивать тех, кто принял изменения в богослужебной практике. Указание на проведение этого собрания помещено не в основном тексте, а в одном из ретроспективных рассказов, повествующих о добродетелях святого. Во второй редакции жития Корнилия Выговского, переработанной Трифоном Петровым в соответствии с правилами учебника риторике [10], эти эпизоды были исключены,

⁴ Примечательно, что обнаруженный Н.И. Ивановским текст соборного деяния и опубликованный им в статье несколько отличается от включенного федосеевцами в сборник «Отеческие завещания».

⁵ В конце XVIII в. федосеевцы и филипповцы приняли самоназвание – старопоморцы, объявив себя наследниками выговской традиции и указывая, что современные им поморцы отступили от нее, введя моление за императора 1739 г.

⁶ РГБ, собр. Егорова; 1049. Л. 19–20.

⁷ Там же. Л. 20 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 20 об. – 21.

¹⁰ Там же.

¹¹ Первая редакция жития была составлена келейником Корнилия, иноком Пахомием, и поэтому содержит множество личных свидетельств о старце.

поскольку не вписывались в редакторский замысел и каноническую структуру жития.

В другом выговском сочинении – «Сказание о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского» [11] (далее – «Сказание»), атрибутированном П.С. Смирновым Андрею Денисову [12], содержится уже не просто упоминание, но рассказ о соборе в Курженской обители. Однако обращает на себя внимание неоднородная структура самого «Сказания», которое мы можем условно разделить на две части. В первой повествуется о борьбе Павла Коломенского против никоновских реформ во время его заточения в Палеостровском монастыре и заканчивается его казнью в Новгороде в 1656 г.

Центральным эпизодом в структуре первой части «Сказания» является наставление Павла Коломенского пришедшим к нему послушникам об отсутствии благодати у духовенства, поддержавшего реформу патриарха Никона, и соответственно о недействительности всех совершаемых ими таинств, включая крещение. Это, как указывается, засвидетельствовали «все священнии мужие, яко иноческаго чина и священноинцы...» [11, с 13]. Таким образом, автор указывает, что источником данного сюжета выступает рассказ соловецких иноков, тесно связанных с идеологией и становлением литургической практики беспоповцев. Далее Павел Коломенский сообщает пришедшим к нему послушникам о трех архиереях, все же сохранивших «древнее благочестие» в лоне Церкви – «Макария глаголю митрополита Новгородскаго сего вам светилника показую, хранящего в недрах своих свет истинныи древняго благочестия. Второго реку вам подобна первому светилника Маркела архиепископа Вологодскаго. Сей бо такоже хранит древния святыя церкви разум, в ней же баше крещен, и рукоположен истинно. Тако же и третияго светилника глаголю вам Александра, епископа Вятскаго...» [11, с 14]. Перечисленные архиереи якобы являлись противниками реформ патриарха Никона и поэтому указывались сохранившими «благодать», в противоположность остальным представителям официальной Церкви.

Вторая часть сказания посвящена рассказу о Курженском соборе. Обращает на себя внимание, что этот сюжет помещен после сообщения о казни Павла Коломенского, т.е. расположен не по хронологическому принципу. Это может свидетельствовать о важности данной темы, что позволило выделить ее в отдельный смысловой блок в структуре «Сказания», либо о том, что данный сюжет был включен в повествование позже, для большей доказательности ранее изложенного. Проведение легендарного собора связывается с именем известного деятеля раннего старообрядчества – игумена Досифея, который якобы «со многими великими отцы постники и знаменосцы» организовал в Курженской обители в 1656 г. собор для рассмотрения отношения к реформе патриарха Никона. Далее сообщается, что итогом этого собора стало решение о перекрещивании всех крещенных «по Никоновым книгам и уставам» [11, с 15]. Основанием для такого решения,

как подчеркивается в «Сказании», послужил «указ о белорусцах» патриарха Филарета.

Принципиальным отличием этого рассказа от сообщения в «Житии Корнилия Выговского» является упоминание о получении Досифеем «своеручных» грамот с проклятиями «никоновых новин» от правящих архиереев, сочувствовавших старообрядцам. При этом названы и их имена: это митрополит Макарий Новгородский, Павел Коломенский, Маркел Вологодский, Александр Вятский, т. е. те же лица, которые ранее были охарактеризованы как сохранившие «древнее благочестие». В качестве дополнительного обоснования решения указана соборная грамота, якобы присланная от соловецких иноков.

В.Г. Дружинин высказал мнение, что источником для описания собора в «Сказании о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского» послужило сообщение о легендарном соборе и его деянии из «Жития Корнилия Выговского», но автор сказания перенес действие в Курженскую обитель и добавил сведения о грамотах, посланных архиереями, оппозиционными Никону [13]. Д.Н. Брежневский высказывает иную точку зрения, предполагая их различное происхождение – он предположил, что источником для «Сказания» послужил слух о раннем старообрядческом соборе [10]. В тексте постановления Курженского собора в составе сборника «Отечские завещания» на полях имеется маргиналия, в которой указываются авторитетные рукописи, содержащие упоминания о данном соборе. В их числе присутствует в частности, отсылка к собранию боголюбцев в Москве в «Житии Корнилия Выговского», о котором говорилось выше. Это указывает на то, что в сознании федосеевского книжника конца XIX в. указанные два события отождествлялись.

Крайне важно здесь отметить жанр двух вышеупомянутых сочинений, унаследованных старообрядцами от древнерусской культурной традиции – «Житие» и «Сказание». Оба этих жанра являются нарративными и не предполагают детальной точности и документальности. Сочетание реальных фактов с легендарными и вымышленными эпизодами весьма характерно для данных жанров в выговской традиции и, как отмечает Н.С. Гурьянова, принципиально отличает их от собственно исторических сочинений старообрядцев, опирающихся на документальные свидетельства [14]. Соответственно, источником для описания собора вполне могли послужить слухи или легенды об «истинном священстве» и соборе сторонников «древнего благочестия», активно порождаемые в народном сознании, подогреваемом эсхатологическими ожиданиями и коренными преобразованиями в Российском государстве на рубеже XVII–XVIII вв.

Сопоставление текстов «Жития Корнилия Выговского» и «Сказания о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского» с текстом соборного деяния Курженского собора, включенного в сборник «Отечские завещания», позволяет установить, что именно «Сказание» послужило источником для автора подложного постановления. Об этом позволяет го-

ворить и состав участников собора, указанных в названных сочинениях. Список подписавшихся в соборном постановлении включает всех лиц, указанных в «Сказании». Однако в «Сказании» отмечено, что архиереи и соловецкие иноки не участвовали непосредственно в заседании собора, а прислали «своеручные» грамоты, причем в подложном деянии собора они представлены как лично его подписавшие и, следовательно, как непосредственные участники собора. Н.И. Ивановский справедливо полагает, старообрядцы, будучи знакомы с каноническим правом, хорошо понимали, что признать реформы Никона еретическими может лишь архиерейский собор, и поэтому использовали авторитет епископов, неприязненно относившихся к реформам и сочувствовавших старообрядцам.

Особый интерес вызывает упоминание среди участников собора Константинопольского патриарха Афанасия, являвшегося одним из участников книжной sprawy, организованной патриархом Никоном [15]. В «Сказании» он не назван ни в числе участников, ни приславших грамоту, но отмечалось, что он «на Москве быв, Никонова новшества низлагает и отмечает от Святыя Церкви» [11, с. 17]. Включение одного из участников реформ в список якобы подписавших соборное постановление можно объяснить желанием противопоставить Никону другого патриарха и сделать Курженский собор не менее авторитетным, чем собор 1654 г., с которого, как считали защитники старого обряда, начались реформы. Поскольку патриарх Афанасий в 1653 г. уехал из Москвы – его подписи нет под соборным постановлением 1654 г., что, вероятно, и позволило старообрядцам вписать патриарха Афанасия в число поддерживавших их точку зрения.

В «Житии Корнилия Выговского» список участников существенно отличается – в нем указано от 9 до 11 священнослужителей, в зависимости от редакции. Из них только трое участников совпадают с текстами «Сказания» и постановления Курженского собора – Досифей, Логин и Аввакум – наиболее известные и активные деятели раннего старообрядчества. Это также свидетельствует в пользу версии Д.Н. Брещинского о легендарности собора.

Постепенно в сознании старообрядцев происходит мифологизация отдельных событий их ранней истории. Неизвестный книжник в XIX в. использовал в качестве источника сведения из «Сказания о страдании и скончании Павла, епископа Коломенского» и перевел их в пространство документального текста, представив архиереев, сочувствовавших старообрядцам, участниками легендарного собора, придав ему тем самым канонический статус в глазах читателей. В таком виде соборное постановление можно было противопоставить Поместному собору 1654 г., поддержавшему церковную реформу, и обосновать право считать «никонианскую» Церковь еретической, что существенно добавляло федосеевцам аргументов в полемике с миссионерами и облегчало прозелитизм.

Место, на которое федосеевский книжник поместил постановление Курженского собора в «Отческих

завещаниях», обуславливалось не только хронологическими соображениями, но прежде всего подчинялось внутренней концепции сборника. Остальные списки сборника открывает историческое сочинение «Избрание краткое из церковной истории, о прежде скончавшихся блаженные памяти отец и священностадец, бывых по Никоне патриархе...»¹². Оно посвящено прославлению мучеников за веру, призвано убедить читателя в истинности старообрядческого вероучения, продолжившего традиции русского православия. Сам автор в преамбуле формулирует цель написания сочинения: – «Мнози бо вопрошаот нас откуда и како прости несвященнии, приша власть и с чьего благословения, крестити и на исповедь примати, того ради zde повествуется вкратце»¹³.

Сочинение открывается разделом, посвященным Павлу Коломенскому, с которым связывается традиция принятия переходящих от официальной Церкви через перекрещение: «Блаженный Павел, епископ Коломенский... приходящих от великороссийския церкви иереев огнюдь примати не повелевал, а простых перекрещивати запроучал»¹⁴. Далее сообщается о том, что Павел Коломенский указал на архиереев, сохранивших древнее благочестие. В данном случае полностью повторяется сюжет из «Сказания о страдании и скончании священномученика Павла епископа Коломенского». При составлении своего сочинения автор явно опирался на ранние выговские исторические сочинения, в частности на «Сказание». Далее в «Избрании кратком...» сообщается о том, что собравшиеся «в той стране, в Куржецкой обители, во многочисленных лицах духовных люди и простыя собором тое утвердиша...»¹⁵, без поименного указания участников. Это замечание, по-видимому, повлияло на факт включения во второй половине XIX в. в сборник «Отческие завещания» соборное постановление легендарного Курженского собора.

Некритичный подход книжника, включившего данное сочинение в сборник наиболее авторитетных для федосеевцев текстов, можно объяснить тем, что упоминания об этом соборе содержались в произведениях, связанных с творческим наследием раннего Выга – «Житии Корнилия Выговского» и «Сказании о страдании и скончании Павла, епископа Коломенского». Автор деяния легендарного собора опирался на те же сочинения, которые были использованы в федосеевском историческом сочинении «Известие краткое...», поэтому эти два текста не противоречат друг другу. То, что данное постановление открывает сборник «Отческие завещания», должно было убедить читателя в реальности легендарного собора, который служил идейным основанием для легитимации литургической практики беспоповцев и их отношения к духовенству официальной Церкви. Это позволяет говорить об определенной мифологизации ранней истории движения в сознании

¹² РГБ, собр. Егорова № 1049. Л. 23 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 24.

старообрядцев и стремлении определенным образом «сконструировать» собственное прошлое. Включение данного соборного постановления в сборник наиболее авторитетных текстов для федосеевцев – «Отечественные завещания» – позволяет отметить желание книжника дополнить исторический блок сборника и сделать его более доказательным для читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сперанский М.Н. Рукописные сборники восемнадцатого века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963.
2. Гурьянова Н.С. Старообрядческие сборники как «Архивы» ценных материалов для ведения полемики // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История. Филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология. С. 139–144.
3. Гурьянова Н.С. О приемах построения текста писателями-старообрядцами // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3. С. 23–28.
4. Ивановский Н.И. Измышленный старообрядческий собор. Разбор раскольничьей рукописи // Православный собеседник. Казань, 1882. Ч. 1 (февраль). С. 167–193.
5. Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.
6. Козлов В.П. Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1996.
7. Шашков А.Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – начале XIX в. // ТОДРЛ. 1933. Т. 33. С. 80–87.
8. Дружинин В.Г. Поморские палеографы начала XVIII в. // Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 г. Пг., 1923. Вып. 31. С. 1–66.
9. Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции (Тексты) / подг. Д.Н. Брецинский // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского дома : сб. науч. тр. Л., 1985. С. 62–107.
10. Брецинский Д.Н. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1979. С. 127–141.
11. Сказание о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского // Белокуров С.А. Сказания о Павле, епископе Коломенском. М., 1905. Вып. 1. С. 13–18.
12. Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898.
13. Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.
14. Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996.
15. Каптерев Н.Ф. Приезд бывшего Константинопольского Патриарха Афанасия Пателара в Москву в 1653 г. // ЧОЛДП. 1889. № 10. С. 358–385.

Статья поступила
в редакцию 01.08.2013

УДК 93/94(571.56)

П.С. ТРОЕВ

ПОБЕГ ССЫЛЬНЫХ НАРОДНИКОВ ИЗ ЯКУТИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

д-р ист. наук,
Северо-Восточный федеральный университет,
г. Якутск
e-mail: petr.troev@mail.ru

В статье анализируется режим надзора, рассматриваются взаимоотношения между ссыльными народниками и коренными жителями края. Автор показывает роль головы Батурусского улуса, якута Е.Д. Николаева в организации и осуществлении дерзкого побега ссыльных из глухого улуса, удачно добравшихся до Франции.

Ключевые слова: царизм, ссылка, Якутская область, «Черный передел», «Народная воля», секретное письмо.

О первом удачном побеге ссыльных народников из Якутии специальных публикаций нет. В настоящее время эта тема вызывает интерес, поскольку касается межнационального сотрудничества народов на далекой окраине России.

В 1861–1895 гг. в Якутской области отбывал ссылку 351 представитель народнического движения. Их этапировали сюда на основании судебных решений или в административном порядке. 14 августа 1881 г. местная администрация получила возможность арестовать всех, кого считала нужным, и

ссылать без суда на срок до пяти лет в любую часть Российской империи.

Ссыльные размещались во всех пяти округах Якутской области. Режим надзора над поселенцами был строгим. Многие считали, что совершить побег из Якутской области невозможно. И это было близко к истине. На местах поселения за организацию надзора за ссыльными перед якутским губернатором отвечали окружные исправники. За поведением ссыльных в городах следили полицейские. Когда ссыльных водворяли в сельскую местность, надзор над ними пору-